

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

(невероятная быль)

Загадочное событие на одном из озёр Верхней Волги неожиданно отозвалось спустя три года на другом конце земли, в Соединённых Штатах Америки.

В 2006 году по завершении наших командировочных дел в городе Сакраменто мой русскоговорящий американский коллега вызвался отвезти меня в аэропорт. На выезде из города он задал дежурный вопрос о том, какую достопримечательность столицы Калифорнии мне хотелось бы увидеть ещё раз. Без раздумий я высказался о глубоком впечатлении от парка реликтовых секвой и о необходимости возвращения за получением запоздалого разрешения на фотографирование... Но тут мне резко возразил водитель. И, мол, время на исходе, и уже совершенную глупость не надо тиражировать.

Приводя в порядок свои мысли, я вкратце рассказал о загадочном событии трёхгодичной давности на берегу озера Волго, а главное – о предостережении относительно будущего неизбежного фотографирования у секвой в городе Сакраменто, мол, надо прежде испросить разрешения у хозяев ближайшего коттеджа.

Ничего случайного в жизни нет

Обретя с Божьей помощью духовное зрение, я перестал спорить с оголтелыми атеистами (равно как и с оголтелыми верующими: и те, и другие, на мой взгляд, обладают дисбалансом сознания). Вера – дар Божий. И зачем переубеждать тех, кого, может быть, ждёт прозрение, но кто ныне просто не задумался основательно о вере, и потому они бедны в своей опоре только на разум. Ибо разум человеческий – конечен, а Вселенная – беспредельна. И то, что недоступно разуму, доступно вере. Вера не только расширяет и усиливает возможности человека, но и меняет его мировоззрение. В частности, моё убеждение в том, что ничто не случайно в жизни, было сильно укоренено

ГУРОВ Валерий Игнатьевич – доктор технических наук, ветеран космонавтики России, специалист мирового уровня по решению проблем перекачки криогенного топлива в различных энергетических системах наземного, воздушного и космического назначения. Постоянно публикуется в нашем журнале. Имеет высокие правительственные награды. В 2012 году (после глубокой исповеди у скрытого старца Владыки Никона в Липецке) автор осознал итоги своего отшельничества на одном из озёр Верхней Волги. Многие предсказания, полученные отшельником, подтвердились во время его командировки в город Сакраменто (США). Спустя десять лет окончательно прояснился смысл пережитых автором событий.

происшедшим со мной на берегу озера Верхней Волги, где я провёл в затворничестве 11 суток. В этом малом промежутке времени сошлось с положительной для меня направленностью множество случайностей с вероятностью их суммарного проявления, пожалуй, в одну миллиардную долю. А, главное, я постиг то, что не даётся многим людям за всю их долгую жизнь. Постиг, опираясь на некоторый религиозный опыт (крещён в Православие в 1997 году), особенно в достижении порою духовного резонанса с Божественными силами, которыми поощряется и поддерживается деятельная вера с неизбежным преодолением трудностей. Через преодоление к усилению человеческих возможностей — это стало для меня жизненным правилом после завершения затворничества. К затворничеству меня вела и помогала, казалось бы, в безвыходных ситуациях неодолимая сила.

Неодолимая сила

В тот памятный 2003 год, казалось, всё восстало против меня. Кризис бытовой и кризис душевный. Нелады с автомобилем, что привело к распаду нашей троицы приятелей, много лет ездивших на пару недель в палаточном варианте на полуостров, с трёх сторон охваченный водой, а с четвёртой прикрытый болотом, тропу через которое знал далеко не каждый из местных жителей. На моё предложение ехать поездом до районного центра, а затем на такси какие-то двадцать пять километров приятели стали придумывать разные небылицы с обоснованием возможных трудностей предложенного варианта. И чем надуманнее были их аргументы, тем сильнее укреплялось во мне желание — поехать во что бы то ни стало. В итоге я остался один на один со своим желанием. А тут ещё и домашние стали досажать разговорами об абсурдности моего желания, что усиливало смуту в моей душе, порождая хаос настроения, а порою и действий. Надо было разобраться в себе, отрешиться от взбаламученности, сформировать определённую поведенческую модель.

Твердо решил — еду один. Но одно дело — решить и совсем другое дело — реализовать. Такси в лучшем случае довезёт до кромки леса, а там километр ходу, причём триста метров через болото. До сей поры с приятелями мы доезжали до воды, надували пару лодок и сплавлялись до обустроенного нами места. А тут! Трёхместная двухкаскадная палатка, к которой я привык из-за возможности, прежде всего, полной защиты от комаров, змей и всякой ползучей живности — раз! Котелки, противень (для жарки рыбы), спальный мешок, какие-никакие съестные запасы, рыбацкие принадлежности, одежда с сапогами — два! Мелочёвка по части личной гигиены килограмма на полтора — три! В итоге: непосильный рюкзак, палатка на 4 кг, да ещё пакет с самым драгоценным. Продумал и успокоился: если такси довезёт до кромки леса, то буду перетаскивать поклажу по частям.

В науке итог моих рассуждений называется идеальной моделью. Но: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Жизнь вносит свои коррективы, порою довольно-таки значимые.

Звоню на вокзал и выясняю, что — против обыкновения — поезд, ходивший три раза в неделю с отправлением вечером, теперь отправляется утром с прибытием в районный центр в 20.00 часов. Кстати, изменение расписания коснулось только того памятного года. Ладно, думаю себе, у леса буду около девяти вечера. Запас времени вроде бы достаточный для того, чтобы дойти и установить палатку.

С посадкой на поезд жизнь стала вносить такие коррективы, что невольно приводило к мысли: тебя непременно ведут с одной целью — в чем-то убедить!

Трудности одолимы усердием и мольбой

Ты можешь приехать в ночь: поездам свойственно опаздывать. И куда ты денешься со своим скарбом? И даже таким слабеньким аргументом пытались отговорить меня от поездки мои домашние, когда их доводы о нынешней серьёзной опасности быть одному в лесу не были мною услышаны. Меня неостановимо тянуло на наш полуостров, что в своё время впервые остро прочувствовал, побывав в июле 2001 года в форпосте западного мира — в Америке. Проехав дивными автомагистралями (не в пример российским горе-шоссеям) три её штата, посетив при любезном сопровождении его руководства

Центр мормонов в Солт-Лейк-сити и художественную галерею в Денвере, отметившись в заповедной зоне вблизи Колорадо-Спрингс, насладившись их превосходным гостиничным супербытом, я загорелся одним порывом: скорее попасть на землю истока нашего — на берега озера Волго вблизи Селигера. Скорее погрузиться в очищающие его воды, затеряться в непроходимых лесных чащобах с замшелыми стражниками-валунами, опрокинуться в блёклое небо с озорными ночными зарницами, прильнуть к светлым, затаённым в глухомани родникам... Жующая сытая кипсмайловская (keep smile — держи улыбку) самоуверенная Америка пришла мне не по душе.

Я тянулся к моей России с её загадочной судьбой, непрогнозируемым народом, неодолимыми просторами, порою угнетающим бытом...

С тех пор ежегодное общение с природой в окрестностях озера Волго стало моей потребностью. И не только природа играла свою врачующую роль в моей привязанности к этим местам. То был не просто полуостров, то был пятачок площадью в 100 гектаров — свидетельство стойкости наших солдат в начале войны, ставших заслоном притязаниям немецких войск с противоположного пологого берега. Мои соотечественники практически полностью погибли: их бросили на пристреленный немцами лёд озера в начале 1942 года. Памятник их последнему броску на верную смерть стоит в сосновом бору. Остались и немые свидетели того времени: окопы, воронки и следы землянок в глубине леса. Я брожу среди этих примет войны, как бы ощущая присутствие душ молодых парней и зрелых мужчин. Я у них в гостях, а они остаются истинными хозяевами этого крохотного клочка земли, за который отдали свои жизни. Что-то незримое связывает и не отпускает меня — живого — с ними, ушедшими из жизни. Попробуй я объяснить своим домашним свои ощущения — точно устроили бы меня вместо поездки в лечебную клинику слабой психиатрической терапии.

Теперь таких клиник кругом навалом: были бы деньги, а всяческих медицинских услуг (нужных и ненужных) хоть отбавляй.

Итак, скорее всего, по наущению моих домашних поезд так опоздал на один час. Видимо, ещё машинист не освоился с новым расписанием. Но пока всё терпимо. Вываливаюсь из вагона, ковыляю кое-как до привокзальной площади, и таксист радостно распахивает багажник, заламывая несусветную, по моим представлениям, цену. И вместо того, чтобы удерживать в голове главную цель (успеть до темноты добраться до места и поставить палатку) и руководствоваться ею, я начинаю таксиста урезонивать. В итоге таксист отпускает меня на все четыре стороны. Иногда наша неизвестно откуда взявшаяся мелочность в самый неподходящий момент ставит неожиданную подножку (уловки лукавого — никак иначе, а может быть, и искушение иных Высших сил) нашим намерениям. В итоге ковыляю до перекрёстка с уверенностью, что возьму частника. Не тут-то было. И таксисты разъехались, и частники не останавливаются. Двадцати минут — из скудного лимита времени — как не бывало. Проходит мимо меня (видимо после смены) сердобольная вокзальная служительница и объясняет, что зря голосую: частники боятся таксистов, предлагая мне идти в привокзальную гостиницу. Уж такое предложение явно не по мне: менять теснину московской квартиры на удушливость гостиничного номера? И потом: отступить на начальном этапе пути от чётко обозначенной цели — значит проявить неуверенность, сдать позиции. А что же делать??? Сплошные вопросы!

“Святой Ангел Божий, мой Хранитель! Помоги мне добраться до места и до темноты поставить палатку”. Не успел осенить себя крестным знаменем, как раздался скрип тормозов. (Намного позже уяснил для себя, что молитвенное обращение выполняется не сразу: многое зависит от сути молитвенной просьбы — мольбы — и от Того, к Кому она обращена.) Возле меня остановился общарпанный “жигулёнок”, и водитель пригласил садиться, не испросив даже пункт назначения. Быстро погрузились и поехали. По дороге выяснилось, что водитель является школьным другом местного авторитета, который сейчас отдыхает на нарах во Ржеве и руководит братвой по мобильнику. Сам водитель после недельного бодуна первый раз выехал, дабы продышаться. А тут залётный гость — как не поговорить. Поговорили, доехали, распрощались, и от кромки леса я летел по тропе с непосильной для меня ношей, не помня себя, безостановочно до самого места за двадцать минут, необъяснимо минуя две топи по жёрдочкам. За пятнадцать минут поставил палатку, с которой одному

очень трудно сладить, и вырубился тут же беспробудным сном, даже не поблагодарив Ангела-Хранителя за помощь. Ему нужна благодарность только в качестве свидетельства твоего продвижения в воспитании высоких чувств. Спасибо — самая короткая и самая повседневная молитва. Спаси, Боже, того, кто оказал тебе услугу, кто поддержал тебя в трудную минуту, кто искренне готов прийти к тебе на помощь... Из десяти первоисцелённых Иисусом Христом только один пришёл к Нему с благодарностью за исцеление.

Первая встреча на третий день

Моя затворническая жизнь полностью наладилась уже к обеду второго дня, когда дрова заготовлены, сетка на 6–10 рыбин в день выставлена, возможности приготовления грибных яств обозначены, земляничные поляны опробованы, наилучшие черничные места найдены, стол обновлён, полутораметровая яма-холодильник прочищена и накрыта ветвями... Живи и радуйся! Солнце светит, лес шумит, комаров нет, вода играет, рыба ходит, птички поют, лёгкий ветерок освежает... При наборе воды из озера протянул спасительный прут осе невиданных размеров, которая неизвестно откуда устремлялась к берегу, и почему-то рыбы её не трогали. Ночью услышал в палатке необычный шорох и, зажегши спичку, увидел в застывшей позе цыпленка табака маленького лягушонка. Утром о нём забыл, ибо не нашёл сразу в герметично закрываемой палатке. Отрадно во время заката солнца, распластавшись в расщелине двуствольной, наклонённой к самой воде вековой берёзы, пофилософствовать час-другой...

На третий день, вставши поутру, присел на раскладной стульчик при входе в палатку, поставленную в 10–12 метрах от тропинки, беспечно бегущей вдоль достаточно высокого берега и соединяющей два противоположных мыса полуострова. Взглянул на часы — 6 часов 15 минут. Солнечные лучи из-за моей спины расправлялись с последними клубами предутреннего тумана, гладь воды отражала почти без искажений кучевые облака, воздух насыщен опьяняющей свежестью, кругом тишь да благодать...

На тропке появляется девушка в лёгком сарафане, босиком, с венком из ромашек на голове. Она будто соткана из солнечных лучей с ослепительно открытым и приветливым лицом, с изящным бесшумным шагом... Остановилась напротив меня, ещё притягательнее заприветилась лицом и сказала: “Здравствуй! А тебе не страшно одному?” Её неожиданное появление, фамильярное обращение и уверенность в моём одиночестве несколько смутили меня. Но пауза была недолгой.

— Здравствуйте. Но я не один: со мной Бог, — был ответ.

— Значит, ты верующий. Надеюсь, православный?

— Да. Во имя Христа молюсь и живу.

— И давно молишься?

— Почти шесть лет. Уже не считаю себя новичком в вере, а отсюда за последнее время сильно отступился от церковного ритуала: меньше причащаюсь, чаще просто захожу в Храм, но про утренние и вечерние молитвы не забываю. Главное: понял, что смысл жизни — в спасении души и что вера без дел — пуста.

Этот непонятно отчего доверительный диалог окончательно развеял моё смущение, я привстал, предложил девушке стульчик и попытался приблизиться к ней. Её лицо стало серьёзным, и взволнованным голосом она странно попросила: “Не подходи ко мне — я опалима”. Смысл этой фразы до сих пор не понимаю, но подчинился просьбе. Так мы и продолжали разговор на расстоянии. Из него я узнал, что девушка, назвавшись хранительницей леса, давно наблюдает за мной и с помощью дополнительных свидетельств лягушонка, а также повелителя ос составила обо мне мнение как о человеке добром, и это ей нравится, ибо всё живое боится и бежит от зла. Достаточно злему человеку посмотреть на гриб, особенно на короля грибов, и тот перестаёт расти. А природа имеет душу, и она равнодушна к тому, как к ней относятся. Благодарная природа может одарить тебя своими благами, только обратись к ней с ласковыми словами, ну, прямо как к женщине.

Я слушал девушку и удивлялся тому, как много она знает, как тонко чувствует и как образно повествует. Откуда у неё порою потаённые знания, обострённые чувства, умение красиво говорить? На эти мои вопросы она отговорила каким-то всезнающим камнем — валуном, который лежит вблизи

остатков блиндажа рядом с переплетённой парой берёзы и ёлки. Мол, она знает от деда Антона к нему подход, и он даёт ответ на любой чётко сформулированный вопрос. Тропа через болото называется Антоновой, и дед Антон узнал от камня, что надо почему-то удерживать полуостров до весны 1942 года, этот самый, с трёх сторон окружённый немцами и не имеющий никакого стратегического значения полуостров площадью 100 га. Но батальон наших солдат и офицеров за него всё-таки положили.

Хранительница леса посоветовала мне прочитать “Толковые Евангелия” Б. И. Гладкова, хотя бы главу 48, со страницы 755, под названием “Что Вы думаете о Христе?”, а также познакомиться с трудами философа Юрия Сохрякова. Выразила уверенность в том, что мир спасётся Россией. В завершение нашей беседы она ни к селу ни к городу порекомендовала испросить разрешения у хозяев коттеджа, что в Сакраменто, когда я захожу сфотографироваться под кроной секвойи. На память о нашей встрече положила на тропинку венок — как залог исполнения моих трёх желаний в пределах полуострова. При этом уточнила, что при загадывании желания венки надо надеть на голову и по отъезду оставить его у большой дороги. Я повернул голову в сторону венка, а она пошла в другом направлении. И только я развернулся в её сторону со словами благодарности и с пожеланием узнать её имя, как след её простыл. Остался лёгкий запах озона и венки на тропинке.

Взглянул на часы: 6 часов 15 минут. Диалог физически продолжался не менее сорока минут, а время осталось прежним. Что же тогда со мной было? Сон, наваждение, бред?.. Ерунда какая-то: это запротестовал во мне научный сотрудник. Но есть, в конце концов, свидетель — венки. Его явно не было вечером. Мне как научно-техническому дознавателю по роду своей профессиональной деятельности (специалисту по установлению причин аварий жидкостных ракетных двигателей) остаётся одно — приступить к дознанию. Итак, надеваю венки на голову и высказываю первое желание.

Три желания

Желание — не мечта, оно реально подпитывается ожиданиями изменения жизни к лучшему, праздничных дней, важных событий... Желание более мягкая, скорее, пассивная форма хотения. Когда хочу, то прилагаю усилия, когда желаю, то полагаюсь на удачу, благоприятное стечение обстоятельств...

В моём случае возможность реализации неожиданных желаний носила некий сказочный характер — по аналогии с той известной ситуацией с девочкой, которой “привалила” возможность осуществить семь желаний. Поучительность той сказки из детства заключалась в том, что только последнее желание девочка употребила на пользу своему сверстнику-инвалиду, а не впустую — на удовлетворение своих временных капризов. Нынешняя детвора более рациональна: некоторые из них предлагают первое же желание употребить на увеличение их количества, не догадываясь, видимо, о том, что при этом сила каждого желания снижается. Много — не всегда значит хорошо. Много игрушек, например, у ребёнка рассеивает его внимание и гасит подлинный интерес к ним. Задаривая своего дитя игрушками, родители как бы откупаются от него, оказывая плохую услугу его взрослой будущности.

Столь долгому введению обязан своим тогдашним мыслям на фоне некоторой растерянности перед неожиданно появившимся венком. Он оставался единственным материальным свидетельством того явно нереального, что было связано с появлением хранительницы леса. Уже по приезде в Москву по следам моего рассказа мне предложили книгу Владимира Мегре “Анастасия” о девушке, выросшей якобы в лесу. Воспринял тогда содержание книги как фантастику. Вместе с тем в Геленджике в то время появилось общественное движение “Анастасия” (что-то вроде клуба по интересам): видимо, многим людям встреча с подобными лесными девушками была не в новинку.

Любознательность исследователя принудила меня ускорить процесс установления свойств венка. Надеваю его на голову и скромно прошу о пяти белых грибах за палаткой: каждый вечер перед сном совершаю обход обжитой территории — вечером грибов не было. Не спеша следуя к обозначенному месту и вижу пять одинаково ровных чистеньких горизонтальными шляпками... сыроежек. Но я же просил белые грибы в нашем понимании (иначе боровики) и тут же вспомнил, что хозяйка венка их называла как-то иначе,

и оценил ее тонкий юмор. Знатоки знают, что сыроежка сначала выбивается из земли с куполообразной шляпкой, которая затем, проходя горизонтальную форму, обращается в форму чашеподобную. Не видел я вчера вечером зачатков каких-либо грибов.

Вхожу в азарт и без передышки высказываю второе желание: пусть сюда приплывут две сестры из Москвы, отдыхающие на другом берегу. Вчера с одной из них я разговаривал по мобильнику по поводу моего урожайного сбора грибов и улова рыбы: около двух килограммов очищенных и переложенных крапивой плотвичек, а также ведро лисичек хранились в холодильной яме. Однако несмотря на заманчивость моего предложения, сёстры категорически отказались от предложенной встречи, сославшись на отъезд через сутки в Москву. Переждав около двух часов (время, достаточное для лодочного хода на веслах с того берега), ушёл по обычному маршруту вглубь полуострова по грибы и ягоды, оставив перед палаткой записку с приглашением отвезать ухи и дожидаться моего возвращения. По возвращении услышал в отдалении у мыса женские голоса и, подойдя, увидел московских знакомых, уже сидящих в лодке для отплытия. На моё недоумение по поводу их вчерашнего категорического отказа услышал резонный ответ: “Женщина имеет право на каприз”. И вправду, женский каприз порою заменяет женщине логику в традиционном понимании мужчин.

Какие же уроки мне был преподаны? Во-первых, чудеса вокруг нас. Во-вторых, венок, скорее всего, обладает волшебными свойствами. В-третьих, я форменный балда и подобно той девочке с семью желаниями из сказки моего детства бездумно и поспешно распорядился предоставленными мне возможностями вместо того, чтобы попытаться установить – какие, например, высшие силы представляет венок. В-четвёртых, любое исполнение желания, безусловно, имеет ограничения по силе, месту и времени. А при сложившейся жизни на полуострове мне трудно было что-либо желать. И дабы не показаться самому себе слишком занудным, почему-то вспомнил высказывание писателя Игоря Губермана: “Главное богатство старости – полная свобода от желаний” (цитирую по памяти). Старым себя не считаю (в крайнем случае – пожилым) и поэтому решил отложить высказывание третьего желания до лучших времён, то есть взял тайм-аут, и хорошо сделал, ибо спешить – только народ смешить. А затем словно очнулся: зачем я вообще связался с этим венком? Почему я находился в некоем оцепенении какое-то время и не удосужился даже осенить себя хотя бы крестным знаменем, не говоря уже о наложении креста на видение? Удивила меня и та лёгкость, с которой надел венок на голову, продолжая находиться в том же оцепенении. Тем более на заре своего ученичества в Православии внятно изложил своё понимание молитв в религиозной практике, что было опубликовано в газете “Православный голос Кубани” (№ 9, 2001 г.), чему и ныне присягаю. Я как бы заново перечитал текст того давнего очерка.

Молитвы и поэзия

В начале было Слово. Твари – это творения Творца нашего по Слово Его. По примеру Всевышнего, у человека созидание любого дела предваряется словесной конструкцией. Одной из них является молитва. Что человек сказал, проснувшись поутру, так его день и складывается. Проснулся рано, поблагодарил Всевышнего за пробуждение в светлой радости, и светлее становится предстоящий день. Выругался бесовским словом (нецензурная брань как бы антимолитва) – и день пойдёт кувырком. Отсюда и самая короткая молитва, которую ежедневно и многократно повторяют и верующие, и атеисты. “Спасибо!” – это Спаси, Боже! Спаси того, кто оказал тебе услугу, кто поддержал тебя в трудную минуту, кто искренне готов прийти к тебе на помощь... “Спасибо” – молитва, обращённая к Господу нашему во спасение того, кто обращён к тебе с добром. А главное, спаси, Боже, нас от ошибочного начинания и наполнения каждого дня. Молитва сродни высокой поэзии. Она и запоминается, как правило, с ходу – с двух-трёх прочтений. С ходу – коль включаешься сердцем в процесс осмысления: тогда и Бог помогает.

Помню, как неожиданно открыл для себя Ивана Бунина, “профессора изящной словесности”, лауреата Нобелевской премии, – открыл через его хвалебные стихи Всевышнему:

— И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
“Был ли счастлив ты в жизни земной?”
И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

Отточенность поэтического слога придаёт молитвам особую силу воздействия. Какой удивительный шедевр сотворил Лермонтов в форме молитвы о возлюбленной:

— Я, Мать Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного,
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную:
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприяв пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Молитвенно осмысленная поэзия создаёт земные шедевры, но они несопоставимы с шедеврами Божественными. Непревзойдённым гимном Матери Бога нашего и как бы всем устремлённым к Богу матерям звучит хвалебная песня Пресвятой Богородице:

“Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших”.

Признаком высокой поэзии является её запоминаемость, а результатом её воздействия, на мой взгляд, является ограждение человека на некоторый срок от совершения им неблагоприятных поступков. Во время совершения молитв человек, как правило, защищён от бытовых невзгод. Вывод напрашивается сам собой: учи высокие стихи и учи молитвы, как высокие стихи. И пусть при этом напутствием мне станут проникновенные строки Фёдора Михайловича Достоевского: “Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в ней и новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймёшь, что молитва есть воспитание”.

Молитвенная поэзия наших дней

На представленный (в газете “Православный голос Кубани”) очерк мне пришло много откликов, в некоторых из которых сквозила мысль: мол, моё мнение о молитвенной поэзии характерно для той эпохи, когда вера была доминирующим фактором в обществе. Теперь, мол, вовсе не так! И как бы в противовес моим оппонентам мне поведали о случае, который всколыхнул всю Тверскую область и о котором я писал в “Экономической и философской газете”, в номере 21 за 2005 год. Работала в Осташкове начальником ихтиологической контрольно-наблюдательной станции Любовь Викторовна Егорова. Задача сотрудников станции — контроль за состоянием и использованием рыбных ресурсов верхневолжских водоёмов. Определяется прирост рыбы за год и устанавливается лимит её лова с выдачей лицензий. С ограничений и начинались проблемы для Л. В. Егоровой. В интересах общества она несколько раз не

подписала разрешительных документов на расширение лимитов. В результате обрела себе врагов и лично многожды пострадала, но не сдалась. О её бедах писала в своё время газета “Вече Твери”: “Дважды поджигали преступники квартиру ихтиолога Осташковской межрайонной инспекции Любви Егоровой. Только по чистой случайности в огне не погибла семья: сын вытаскивал на себе отца... Потом долго собирали деньги на ремонт, а когда отремонтировали, то квартиру подожгли вновь”...

Не удивишь ныне русских разгулом преступности. Мафия правит бал. Что же ей противопоставить? Ответ на зло добром – так учит нас Господь наш Иисус Христос. И Любовь Егорова ответила. Она вылила свои чувства на бумагу:

— Он где-то есть, наш Бог-Спаситель,
Мне с этой верой легче жить.
Побереги мою обитель
И помоги врагов простить.
Пускай раскаяние излечит
Им души, выжженные злом.
Зажгу за здоровье их свечи
И осенью себя крестом...

Для себя ставлю этот стих-молитву по проникновенному смыслу в один ряд с молитвенной поэзией наших классиков XIX века. До поездки на озеро Волго мне трудно было представить, что такое самоотречение от совершения ответного зла на зло хотя бы в помыслах возможно в России в наши времена. Времена, когда американизация нашего общества считается чуть ли ни одним из достижений перестроечной поры. Времена, когда под видом возмездия террористам кипсмайловская самоуверенная Америка расширяет свою сферу влияния, а значит, укрепляет свой капитал. Но Россия с её высоким духовным потенциалом – не Америка. И это укрепляет мою Православную веру и, надеюсь, частично объясняет, почему вне России горел одним порывом: быть всегда ближе к моей истерзанной, но не побеждённой России.

Молитва Любы Егоровой далеко не исключение. Послушайте, что пишет Лидия Перцева в сборнике стихов наших современников (Молитвы русских поэтов. XX–XXI век. М.: Вече, 2011). Привожу только первые три строфы:

Всё-то просим Господа:
— Господи, нам дай
Блага всевозможные,
На земле бы рай...
Хвори нас бы минули,
Детям преуспеть,
Чтоб друзья не сгнули,
Жить да песни петь.

И не скажем: — Господи!
Забери, что есть,
А оставь нам, Господи,
Крест, Отчизну, честь...

Приведённые стихи Л. Егоровой и Л. Перцевой не нуждаются в комментариях. Скажу одно: молитва – надёжная защита от возможных посягательств лукавого. Но лукавый не дремлет. Уж коли допущена оплошность, то будь настороже. Чтобы внести определённую ясность, стал продумывать способы выявления природы венка, может быть, даже с загадыванием третьего, последнего желания.

Девушка с венком – кто она?

Формирование третьего желания тесно сопрягалось с попыткой понять, какие силы стоят за девушкой с венком. Божественные созидательные или сатанинские разрушительные? Добро или зло? Истина и любовь или ложь и ненависть? Истина – это правда, одна на всех. Истина – Иисус Христос, Сын Божий! Вот высота нашего предельного преображения!

Осмысление высказываний девушки с венком выявляет её осведомлённость о моём прошлом, настоящем и будущем. Она попала в точку с толкованием Гладкова, которое является с 2002 года моей настольной книгой. Именно раздел 48 со страницы 755 часто перечитываю. Что касается Юрия Сохрякова, то его фундаментальную монографию «Русская цивилизация: философия и литература» целенаправленно приобрёл в 2010 году. Теперь труды двух талантливых авторов лежат и не пылятся на моём письменном столе. Отсюда вытекает заключение: зачем лукавому укреплять меня базисными Богосносными идеями? С другой стороны, зачем девушке с венком ввергать меня в оцепенение, выкладывать очень ёмкую полезную информацию и при этом кокетливо маскироваться под хранительницу леса? В результате раздумий последнее, снимающее все вопросы желание окончательно сформулировал, решил его высказать на всякий случай в день перед отъездом и успокоенный итогом положил венок под полог палатки подальше от солнца и дождя, а также от моего намерения погрузиться без комплексов в прежнюю негу.

Жизнь в затворничестве за несколько дней успокоила мою душу, укрепила дух во славу Божью за его неохватные милости нам грешным и оздоровила тело. Многоцветное купание, заготовка дров, ежедневные многокилометровые прогулки, лесная земляника (минимум два стакана в день), черника (3-4 стакана), преобладание в меню рыбных и грибных блюд, сливание с дивной природой играли свою врачующую роль: запела душа и взыграло тело. Важную роль в моём раскрепощении играло запойное чтение на закате солнца без всяческих отвлечений. Прихватил с собой тонюсенькие брошюры (взамен фонарика) рассказов великого безбожника Марка Твена и труды нашего уникального современника – святителя Луки, учёного с мировым именем Войно-Ясенецкого, который, трижды пройдя все адские круги довоенных советских ГУЛагов, в 1946 году удостоен Сталинской премии Первой степени за труд «Очерки гнойной хирургии», выпущенный в свет в 1935 году. Труды святителя Луки «Дух, душа, тело», а также «Наука и религия» – непревзойдённые для меня образцы научного осмысления Православия. Вместе с тем я получил истинное наслаждение от непринуждённой и высокой игры воображения Марка Твена при чтении его рассказа «Человек, который совратил Гедлиберг». Вымышленный город Гедлиберг считался до некоторых пор самым честным и самым безупречным городом во всей близлежащей округе. Считался до той поры, пока не был искущён хитро адресованным мешком с золотом. Итог рассказа восхитительно иллюстрирует дьявольскую силу денег – воистину «люди гибнут за металл». Они, однажды попавшись на уловку лукавого, меняют свои имена, названия города своего обитания, становятся сами не собой, дабы не подвергнуться светскому осмеянию. Насколько силён классик мировой литературы в осмеянии жителей Гедлиберга, настолько он оказался слаб в натужно сконструированном рассказе «Христианская наука», как бы принуждая себя к служению философии без Бога.

Буквально в неге духовной, душевной и телесной прошло пять дней, шестой день выпал на воскресенье.

Шампань-настрой, или Праздные женщины в лесу

К шестому дню оскудели мои запасы хлеба и овощей. К тому же затосковал по деревенскому борщу. А главное – надо бы навестить старушку, ставшую недавно вдовой боевого фронтовика, моего знакомого егеря, по инициативе которого установлен памятник защитникам полуострова. Одним словом, настала пора выходить на большую дорогу и совершать 15-километровый (туда-сюда) мини-марафон. Заготовил сумку с московскими гостинцами, а также лесными дарами и против обыкновения пошёл после завтрака поперёк тропинки с выходом на взгорье естественной просеки, разделявшей прибрежный смешанный лес с преимущественно осиновым лесом, берегущим черничные плантации.

Буквально через пару сотен шагов услышал женские голоса, умерил ход и через пяток минут увидел живописную сцену раскрепощения одетых по-городскому женщин. Остановился понаблюдать. Крупная женщина (обозначил её Лидершей) с сигаретой в левой руке на отлёте и с подбоченившейся правой рукой напоминала своей застывшей позой монумент. Она сосредоточилась на импровизациях своей рыжей подружки (назвал её Резвушкой). Та,

подбрасывая вверх и слегка вбок соломенную шляпку, пыталась её поймать в своих изящных пробежках. И снова, и снова подбрасывала, и снова, и снова, порою ловила, а чаще поднимала с земли со звонким заразительным смехом. Наконец всё. Устала. Тут же легко бросилась на землю лицом к пахучей землянике и, согнув ноги в коленках, стала слегка раскачивать их то попеременно, то врозь. Быстро надоело близкое общение с землёй, плавно опрокинулась на спину, закинула руки за голову, полежала недвижно какое-то время с обзором неба, затем, приподнявшись, присела и стала оглядывать местность окрест себя. В её движениях не было суеты, ощущалась пластичность и владение своим привлекательным телом. При круговом обзоре её взгляд остановился на мне и осмысленно оформился – с некоторой паузой – в виде возгласа: “Ой, девоньки, мужчина!” И только тут я обратил внимание на третью женщину в скромном платочке (явно Тихоня), повязанном под подбородком, которая, присевши, собирала землянику и тут же разогнулась, услышав изумлённый возглас Резвушки.

Доверительный контакт состоялся (во мне, видимо, признали желанного собеседника), и я был приглашён в их круг. Начался этап удовлетворения чисто женского любопытства. Кто такой, откуда, зачем и так далее... А после полученных разъяснений в ответ: они, мол, празднуют двадцатилетие окончания школы, что делают каждые пять лет с неизменным припльтием на катере в эти места. Пока мужья после праздничного и шумного совместного разлития шампанского ловят рыбу и продолжают по-мужски бражничать, их жены отпущены на кратковременную прогулку. При таких обстоятельствах велика сила ни к чему не обязывающего общения, тем более так хочется хоть на миг почувствовать себя женщиной, оценённой пусть даже набором достаточно завуалированных комплиментов. Ведь женщины любят ушами. Предложил им на выбор одно из трёх коротких утверждений:

- *Не гребь под себя – не поднимешься в небеса.*
- *Умная женщина следит за собой, неумная – за мужем.*
- *Жизнь даётся один раз, а удаётся ещё реже.*

Лидерша и Резвушка без колебаний выбрали второе утверждение, а Тихоня – первое, которое характеризовало её как человека с высокой потребностью духовного. Тихоня призналась: поёт в церковном хоре и старается жить по Христу.

Выбор второго утверждения характерен для женщин с переполненными ресурсами всех систем организма, требующими порою выхода. В таких женщинах сильна готовность без оглядки пойти навстречу большой любви, но поди разберись, где – большая, а где – маленькая. Обычно броские с крепким, почти мужским умом женщины выбирают то, что не выбрали мои собеседницы.

Но тут игриво выступила Резвушка. В её распевном голосе было столько пригласительного очарования, что зыграла во мне кровь и так захотелось порезвиться с ней без свидетелей, что даже смутился самого себя. Взглянул в её глаза, и она прочитала мой плотский призыв и захохотала, откинув голову, и слегка коснулась моего рукава, а я для успокоения телесной смуты прочитал девушкам три своих стихотворения.

Единодушно и Лидерша, и Резвушка выбрали одно из них, а Тихоня, сняв платок с головы и распустив волосы, резко высказалась: “Выбирать не из чего: избитые мысли и притворство, облачённые в цветастые рифмованные обёртки”. С некоторых пор для неё “Господня молитва” звучит лучше многих стихов. Видимо, у Тихони накопилось, коли так страстно выговорилась. Завершению нашей встречи послужил мужской голос по громкоговорителю с берега: “Бабоньки, на палубу быстрее, к отплытию готовы!” Огорчилась Резвушка невозможностью побывать в моём пристанище, Лидерша, в свою очередь, пригласила в гости: “Будете в нашем городе, спросите у первого прохожего интеллигентного вида о местонахождении венерологического диспансера. Я заведу отделением, а муж – главный врач. Фамилия наша легко запоминается по аналогии с фамилией художника – автора картины “Сватовство майора”. Тихоня на прощание поделилась своим открытием трёх условий достижения духовного резонанса с Божественными силами. Эти условия, естественно, отличаются от условий физического резонанса, когда, например, мост может разрушиться под воздействием единого шага марширующего

строю солдат, что известно из школьного учебника. Я им подарил грибы, предназначенные для старушки, а сам вместо мини-марафона вернулся к палатке, отложив намеченный визит к вдове егеря на следующий день.

На обратном пути я раздумывал над последним разъяснением Тихони. Оно носило явно извиняющий характер, ибо было неуместно, как неуместен был её страстный монолог в пользу Христа. “Не поминай Бога всуе”. Народ издавна заметил: кто всуе Бога призывает, всуе век свой проживает. Тихоня как будто бы знала о моём пристрастии к пониманию условий достижения духовного резонанса. Вот они: верь без сомнения в Богочеловека Иисуса Христа и Его воскрешение на третий день после распятия, стремись через повседневные полезные дела возвращать свой дух и искренне молись. Более того, меня словно осенило: Тихоня говорила голосом хранительницы леса. Известно, что в фанатично верующих женщин, находящихся в миру (а не в монастыре), чаще, чем в мужчин, вселяются порою невидимые сущности. Одержимым таким недугом требуется отчитка особых священников или старцев. На такое я насмотрелся в скитаниях по монастырям: видел сам, но больше слышал. А много позже узнал, что девушка с венком очень плотно опекала меня на своей территории.

Очарование ушедшего

Встреча с праздными женщинами выбила меня из привычной колеи безмятежной жизни и своей незавершённой (я даже не узнал их имена) породила во мне чувство, схожее с опустошающим чувством поручика – главного героя чудного психологического рассказа Ивана Бунина “Солнечный удар”.

Мои воспоминания нарушились протяжным гудком с воды. Я приподнялся и увидел белоснежный катер, лихо выполняющий крутой вираж перед берегом напротив меня. На борту стояли Лидерша с Резвушкой и прощально помахивали мне руками. Ответил им тем же с чётким пониманием того, что уникальность лесной встречи заключается в её неповторимости и невозвратности: что было – то прошло. Пусть три женщины останутся в моей памяти в образе одной – волевой, иривой, деловой, умной и ревностной.

Деревенские будни

На следующий день по задумке пришёл в деревню, встрепетул и Ольгу Филипповну, и соседей. Быстро собрались за столом, наскоро заставленным деревенскими дарами и московскими гостинцами. Откуда-то появилась и бутылка со сливовой наливкой. Человек из Москвы, доверие к которому завещано ушедшим из жизни боевым фронтовиком Николаем Архиповичем, – что желанный дождь в нестерпимую по длительности жару. И поговорить, и обсудить последние новости, и отвлечься на время от повседневных, порою непосильных забот – это было вроде нежданного праздника. По первой – за встречу: жизнь продолжается. А какова она теперь в деревне? Слово Ольге Филипповне – как самой авторитетной и по возрасту, и по жизненному опыту: прошла войну от Прибалтики до Дальнего Востока. Она сетует на то, что от более чем ста домов до 60-х годов теперь только в 15-ти живут постоянно. Коровы были в каждом дворе. Никита-кукурузник, мол, сильно обложил деревню налогами – вот из неё и побежали. А ведь деревня после войны приняла на жительство почти 12-миллионную армию, ибо многие города были разрушены основательно. (Я, например, знаю, что в Воронеже до середины 50-х годов люди жили в землянках: более 90% его жилого фонда было разрушено войной). Раньше, продолжает вдова Николая Архиповича, у нас были школа, маслозавод, молочная ферма, почтовое отделение, магазин, медпункт... А теперь? Ничего этого нет. Да и коровы остались только в пяти дворах, а фермы на 120 коров уже нет...

Вступили в разговор другие женщины с сетованием на повальное пьянство мужиков и продажу земельных наделов очень многими прежними колхозниками. Неожиданно вспомнили о небывалом прежде явлении – сельских бомжах. Завелись в деревне два брата – Игорь 27 лет и Сергей 31 года. Пьют беспробудно, дом содержат абы как, огород не засаживают, стали приворовывать... Но мужики, собравшись, их по-мужицки урезонили: “Ещё заметим, – сдадим ментам”. Объяснение сельского бомжатства по-бабьи простое:

испортили малолетних сирот жалостью. Вот и выросли Игорь с Сергеем с потребительской психологией — им все должны. На земле нельзя жить без потребности с малолетства к тяжёлому крестьянскому труду. Не поработаешь в лето — не проживёшь в зиму.

Так за разговорами подошли ко второй — в память о Николае Архиповиче, ушедшему из жизни 16 ноября 2001 года, ушедшему спокойно, как и подобает воину, выполнившему сполна свой земной долг по защите Отечества и по восстановлению разрушенного. Вдова в слёзы, а женщины для отвлечения затаили любимую духоподъёмную песню фронтовика: “Идет война народная, Священная война...” Успокоилась Ольга Филипповна и, в свою очередь, выдала неожиданно соло, которое дружно подхватили соседки: “Иисус воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...” А дальше неостановимо: “Шёл отряд по берегу, шёл издалека, / шёл под красным знаменем командир полка...” А уж после третьей стопки и вовсе перешли на частушки:

Вот окончилась война,
Я осталась одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.

Выговорились бабонки, песней выпустили пары, размякли от сладенькой наливочки, но в деревне свои законы: застолье не бывает долгим. Разом засобирались, быстро освободили стол, помыли посуду и даже не соблазнились предложением остаться на чай. Остался я с вдовой наедине. Опять слёзы, опять причитания... Попросил показать архив её мужа. Принесла памятный альбом боевого пути его Краснознаменной дивизии, и среди его страниц я нашёл свою публикацию в многотиражке о Николае Архиповиче к 55-летию Московской битвы. Привожу ту давнюю публикацию без изменений.

“Несгибаемый воин

Нынче жить в деревне трудно, особенно старикам. Молодёжи почти нет, зарплату не платят, и поддерживать самим натуральное хозяйство не всегда под силу. Но каждое утро в пять часов вслед за супругой Ольгой Филипповной встаёт на несгибающиеся ноги 75-летний фронтовик и расхаживает их часа полтора-два. Ноют старые раны, просят пощады суставы, боль всего тела в непогоду становится невыносимой... Но фронтовик заставляет себя вставать и идти по избе, словно в атаку. Он, бывший секретарь парторганизации колхоза (17 лет), председатель сельсовета (12 лет), егерь (18 лет), а ныне староста шести деревень, знает: за него его дел никто не сделает.

Здесь волки до сих пор знают манеру старого егеря — он объясняется с ними на одном языке. Ваба — это воспроизведение волчьего воя. Учат этому уникальные специалисты. Матёрые волки идут на вабу молча и осатанело (кто посмел нарушить чужие границы), молодые — с ответным воем. Бывал я на этих зрелищах — страшно. Фронтовику Морозову до сих пор не страшны волки и никогда не были страшны фашисты. По его словам, перебил и тех, и других уйму. Он хозяин земли своей. И земляки тянутся к нему, хотя Николай Архипович порою бывает крут, особенно когда видит несправедное дело. “С Морозовым дружбу веди, но палку наготове держи”, — так говорят про него односельчане. Глубоко симпатичен мне Николай Архипович, часто не хватает мне его несгибаемости. Трудно ему, но он стоит, потому что так нужно Земле русской.

12 декабря 1995 года позвонил Морозовым в день 75-летия Николая Архиповича. “Еле ходит, — говорила Ольга Филипповна, — а вот на тебе — пошёл потихоньку”. Долгих тебе лет жизни, дорогой Николай Архипович, и поменьше болей от старых ран. Болей физических и душевных”.

Напутствие вдовы воина

Нашу встречу за столом мы завершили чаепитием. Ольга Филипповна, аккуратно складывая архив своего супруга, обратила внимание на фотографию поздней осени 1981 года, на которой Николай Архипович представлен со шкурой убитого им матёрого волка, долгий поединок с которым выиграл

опытный охотник всего в четырёх километрах от своего дома. В это время забежала на один миг соседка с огромным пакетом всяческих овощей для меня, что побудило хозяйку забеспокоиться о моём возвращении в такой невыносимый полуденный зной. Она подошла к проводному телефону, быстро набрала номер и попросила какого-то Мишу подбросить Валерку (это, стало быть, меня) к лесу, где памятник на бору. Из разговора я заключил, что о моём чудачестве по поводу затворничества (на взгляд деревенских обитателей) знала вся деревня. После приглашения Ольги Филипповны посидеть на скамейке возле крыльца в ожидании машины мы продолжили перед домом беседу о страшном военном лихолетье. А ты знаешь, — говорила фронтовичка, — теперешние времена ненамного лучше тех времён: не жизнь, а сплошные бедствия или ожидание бедствий. Очень переживал мой Коленька (так она называла своего супруга) за то, что не может ничего сделать, — вроде бы нет зримого врага, как в войну. Но тем не менее немало добивался, особенно через Совет ветеранов”.

Неожиданно вдова перешла к обсуждению моего лесного бытия, сказав, что болото иногда шалит: некоторые люди теряют сознание, возможно, от удушливых испарений, а возможно, от каких-то необычных явлений. Приходя в сознание, те люди ничего не помнят. “Но ты не бойся, — заключила она на прощание, — ты ведь не один: Бог с тобой, и Коленька не даст в обиду. Очень много сил он истратил на пробивание и установку памятника, и были очень любезны ему те места. Уж он-то никого и ничего не боялся! И ты не бойся! Главное — ни при каких заманках не снимай с себя крестика: он твой оберег!”

Мы с Михаилом быстро доехали, путь через болото я прошёл благополучно, оставленная перед входом в палатку картонка форматом с бумажный лист А4 со словами “Храни, Господи!” оставалась на месте, жизнь продолжилась в привычном русле. До последней ночи предстояли четыре полных дня. Напутствие вдовы воина навяло мысли о силе слов, сказанных русскими женщинами в крутые периоды жизни страны. В июле 1941 года Анна Ахматова на всю страну произнесла своё напутствие в виде стихотворения “Клятва”:

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянёмся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

А уже через полгода в феврале 1942 года, когда немцев отбросили от Москвы, великая поэтесса продолжила мужественные обращения к народу, в частности, под названием “Мужество”, которое завершалось пронзительными словами:

...И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

Русская речь — кладёзь нашей истории, опора независимости страны, объединяющая сила многонациональной державы... Ныне русская речь с трудом выдерживает осаду от натиска мутного потока иностранных и русских бранных слов при навязывании взамен проверенной десятилетиями системы школьного обучения болонских штучек вроде ЕГЭ. Не ведала Анна Ахматова, что противники России могут поменять стратегию её ослабления: ныне прямые агрессии заменены тихим и последовательным воздействием на подсолнечное подрастающее поколение — наследников нашей Родины.

Но Россия продолжает рожать великих женщин с необыкновенной жертвенностью. В лихолетье ельцинских разрушительных реформ середины 90-х годов мне довелось услышать в одном из монастырей выстраданное откровение монахини: “Жить стоит ради того, ради чего ты готов не задумываясь умереть!” Тогда ся не смог возразить той монахине. А теперь умереть за Россию и за Христа смогут многие православные. Но умереть нужно так, как это готова сделать Татьяна Васильевна Грачёва, которая своим словом и своими

книгами, например, “Память русской души”, обращается к своим соотечественникам с пламенными строчками (наподобие “Клятвы” русской поэтессы):

Правда сильнее лжи.
Любовь сильнее смерти.
Не бойтесь!

Разве можно не верить в Россию, которая пестует таких женщин в трудные для мужчин времена?

День перед последней ночью

В этот день против обыкновения вышел на прощальную прогулку по лесу с опозданием часа на три, ибо занимался частичным приготовлением к отъезду. День состоялся солнечным, и было важно, чтобы завтрашний день обошёлся без дождя. Дождь намного утяжеляет поклажу и создаёт дополнительные трудности возвращения. Издали, прежде чем услышать голоса, почувствовал табачный запах. Вышел вблизи памятника на двух парней, собирающих чернику. Остановился, понаблюдал за тем, как они периодически и поочередно прикладывались к полиэтиленовому литровому баллону и судорожные глотки закусывали ягодой. Увидели меня, поздоровались, предложили выпить, я отказался. По разговору оказались теми самыми братьями – бомжами, о которых на встрече у Ольги Филипповны рассказывали соседки. Я был удивлён тем, что выбранное место сбора черники было далеко не самым лучшим на полуострове. На моё удивление они ответили тем, что здесь меньше комаров, а им нужно набрать всего 3-литровую банку для обмена её на три литра самогона. У меня был сварен суп из всего, что осталось, включая итальянскую красную фасоль, белорусскую тушёнку (одну-единственную банку хранил до последнего дня в резерве), лисички взамен моркови и остатки деревенских овощей, в том числе с протёртым малюсеньким кабачком. Мне интересна была психология жизни братьев, и к тому же хотелось угостить их горячим блюдом. Моё приглашение они охотно приняли.

На месте своего обитания объяснил им, что в наличии всего две ложки (металлическая и деревянная). В ответ младший из братьев, достав нож, быстро смастерил из какой-то коряги подобие ложки, и мы стали обедать. Ели они, в отличие от меня (с полуголодного послевоенного детства сохранилась дурная привычка есть быстро), по-деревенски степенно. Игорь всё любопытствовал, что за диво такое – красная фасоль, рассматривал пустую тару с иностранными надписями и приговаривал: “Как же так вкусно можно приготовить в лесу без печки!”. Предложил им зелёный чай вприкуску с хлебом, нагруженным остатками мёда. После обеда Игорь размяк, растянулся на траве, а старший брат смастерил удочку и спустился с ней к кромке воды.

Спросил Игоря о причине отсутствия (в отличие от брата) крестика на шее. Ответил, что мать не крестила – значит, так надо. Я замолчал, а он продолжил, что Сергей, хоть и крещёный, а ведёт себя хуже по жизни его – некрещёного. И потом: “Что мне Бог дал, чтоб его любить и желать его защиты?” Обычно я не спорю с хулителями Бога, но фраза Игоря выдавала в нём элементарную потребительскую упрощённость. Ведь всякий серьёзный человек рано или поздно задумывается о смысле жизни. Смысл жизни по Иисусу Христу – в спасении души для жизни вечной. Телом человек находится на земле, а духом устремлён в небо. Дух – это крылья души, и насколько человек возвысит свой дух против соблазнов земных, настолько он окажется выше по иерархии неба, вплоть до Царствия Небесного. Без Бога, без Его Благодати мы попадаем под власть сатаны и его нечисти. Послушал Игорь мои элементарные доводы и вяло заметил, что у него нет денег для возвращения из райцентра после предполагаемого крещения, и к тому же паспорт утрачен. Он сам поставил на себе крест, и это ясно. Подошёл Сергей без улова и предложил для покупки удочку и банку червей за пятьдесят рублей. Грустно мне стало, но отдал полсотни и вызвался проводить братьев до черничных плантаций.

Проводил братьев, объяснив им, как выйти на тропу по солнцу, а сам вернулся к палатке и почувствовал какую-то тягостность в атмосфере: что-то явно изменилось вокруг и во мне за время общения с бомжами. Мне почудилось, что и природа затихла, как перед грозой, однако солнце в этот день

закатывалось за ясный горизонт, и ветерок был совсем лёгким, что вовсе не предвещало дождя, тем более грозового. Перед сном достал венок (совсем не увядший) и опять стал раздумывать: “Зачем мне это надо?”. Но стремление постичь природу девушки с венком и узнать от неё судьбы пленённых защитников полуострова возобладало во мне, и появился некий азарт – нужно ли мне бояться возможных нечистых сил, коли моя защита – крест и молитва! Какими же самоуверенными бывают порою мужчины!

Итак. Надел на голову венок и проговорил третье желание: “Явись, хранительница леса, с крестиком Христовым на груди!”. Проговорил, снял венок, положил его опять под полог палатки, заполз в палатку, закрыл её плотно и расположился в спальном мешке. Но сон не шёл. Думал о Сергее с Игорем, моих недавних гостях. Как они могли украсть у Ольги Филипповны газовый баллон из сеней избы с попыткой продать его дачникам своей деревни? Крепко же их прихватил сатана.

Стало темнеть. Привычные шорохи и звуки стали казаться шагами и пробежками. Подумалось, что братья вернулись, потеряв тропу. Вспомнил, что не прочитал вечерние молитвы перед сном. Стал сбивчиво проговаривать их вслух. Но мысли о братьях перебивали молитвы. Постепенно сосредотачивался и, похоже, стал погружаться в дремоту. И тут началось!

Ночь перед отъездом

Загукал филин. Никогда в прежние заезды с приятелями и никогда в моей нынешней жизни филин не объявлялся. Почти одновременно с гуканьем понеслись с воды невысказанные звуки: хохотание, свист, визг, улюлюкание, чего прежде никогда не было. Звуковая какофония то приближалась к берегу, то отдалялась от него. Необъяснимые при полном предзакатном штиле внезапные и резкие порывы ветра стали как бы испытывать крепость постановки палатки. Сверху с шуршанием что-то упало, похоже, сухой сук с рядом стоящей вековой берёзы, хотя загодя, в первый же день пребывания спилил все сомнительные ветки. Загрохотали кастрюли на кострище, посыпалась поленица дров, захлопали полотенца на сушильной верёвке...

На меня нашло необъяснимое оцепенение. Не мог пошевелить ни рукой, ни головой. Всё внимание сосредоточилось на кажущейся тяжёлой поступи вокруг палатки. Кто бы это МОГ быть? Или обман слуха? Дыхание моё стеснилось, и будто что-то навалилось на меня, лишая возможности проговорить молитву и тем более осенить себя крестным знамением. “Сними крестик, – глухой, будто из-под земли, голос прозвучал рядом, – сними, и она наденет его. И взамен она раскроет тайну этого леса, укажет могилы трёх немцев-разведчиков, пленённых русскими солдатами, расскажет о жизни после войны русского солдата в Америке. Сними крестик, и она познакомит тебя с камневедунном, предсказывающим будущее”.

Одна мысль не оставляла меня: “Снять добровольно крестик – значит отказать себя от Христовой веры, значит предать Христа”. Расплывчато вспомнил и напутствие вдовы воина перед последним нашим расставанием. С трудом пробуждающаяся мысль о сохранении веры стала крепнуть. Вот и молитвы пошли: “Пресвятая Богородица, спаси меня, грешного”; “Господи наш Иисус Христос, помилуй меня, грешного, одари своей милостью и придай мне благодати Святого Духа”. Навалившаяся тяжесть стала слабеть, мой голос становился внятной, правая рука нащупала крестик, и он словно огнём прожёл мою ладонь, практически полностью сняв оцепенение. И тут раздалась дуплетом два выстрела. В наступившей затем тишине донесся далёкий крик петуха с хутора, что на большой дороге, по прямой, пожалуй, в километре от моего пристанища. Станный, импульсивно подумалось мне, хутор со странной одинокой сорокалетней хозяйкой при двух коровах, свинье и множестве кур...

Совершенно разбитый, с гулким учащённым пульсом, весь в липком поту, я, наконец, смог выкарабкаться из спального мешка. Распахнул входные полы палатки, раздвинул молнию на сетчатой обечайке, вдохнул свежий воздух и выполз наружу. Тьма отступила, брезжил рассвет, а я лежал недвижно, ни о чём не думая, тем более об отъезде. Постепенно стал приходить в себя от потока нелепых мыслей, в частности, о том, что опять браконьеры бьют уток (но почему было только два выстрела?) и откуда мог появиться филин. Может, мне все приснилось? Но сухая ветка охватила верх палатки, кастрюли

разбросаны вокруг кострища, трава на поляне чрезмерно помята (или раньше я этого не замечал)... И ещё: из-под полога палатки виднелся венок, совсем сегодня увядший, хотя ещё вчера оставался свежим. Вспомнил о девушке с венком. Подумалось о её возможной зависимости от нечистой силы, и вместе с тем хотелось верить в её чистые Христовы устремления, явленные мне при нашей встрече. Надо прихватить венок и оставить его при дороге, как того хотела хранительница леса.

Здравые рассуждения прибавили мне сил, к тому же прибегнул к выполнению трёх условий достижения духовного резонанса и уже через час начал собираться в путь. Путь через болото одолевал дважды, по частям переноса поклажу, заметно облегчённую по сравнению с исходной при заезде. Тем не менее возвращение к большой дороге далось мне непросто – с затратой около двух часов. Оставил венок на обочине, тормознул чёрную “Волгу” с одиноким водителем и неожиданно в качестве немислимого поощрения (видимо, за моё стойкое затворничество) получил приглашение от водителя ехать до Твери без предваряющих оговорок насчёт вознаграждения. Быстро поехали, бросил прощальный взгляд назад и... увидел в клубах пыли на обочине девушку с венком. Растерянность моя затянулась, поворот скрыл видение, я откинулся на спинку сидения, закрыл глаза и впервые во взрослой жизни за все три часа езды не вымолвил ни одной внятной фразы. В Твери сел на последнюю электричку до Москвы. Отрешённость от окружающего мира не покидала меня. Даже с прибытием на Ленинградский вокзал долго не мог сообразить, где я и что со мной. Шум, суета людей, световая реклама оглушительно обрушились на меня по контрасту со спокойствием и величием практически не тронутой человеком природы. Похоже, так происходит одичание людей, их отрыв от “прелестей” цивилизации. Такси домчал до дома, принял душ и рухнул в постель, прослав около суток.

Завершилась моя 11-суточная затворническая жизнь, много мне подарившая в понимании духовной (не материальной) жизни и открывшая запрограммированность нашей судьбы. В жизни ничего случайного нет. Заранее определено, что к важным вехам жизненного пути мы можем приходиться разными дорогами и с разными результатами: либо опустошенными, либо обогащёнными духовно. Духовности без Бога нет.

Эпилог

Спустя три года после случившегося вновь загорелся желанием окунуться в затворничество после сбывшихся в 2006 году предсказаний девушки с венком применительно к моему пребыванию в Сакраменто. Тем более подвернулась оказия. В июне 2007 года мой добрый приятель Дима Кочетов, технарь от Бога, атеист по определению (но атеист умеренный – без ханжества), предложил поехать с ним на полторы недели в частный пансионат на противоположном моему месту берегу озера Волго в пяти километрах по воде. Предложение Димы оказалось простым до изумления: мы едем на его машине до пансионата, оттуда он на моторке подбрасывает меня до моего пристанища и таким же способом реализуется возвращение после моего десятисуточного затворничества, благо мобильная связь легко может устранить всякие непредвиденные обстоятельства. Как на такое не согласиться! Всё получилось по плану, кроме одного: повторение прошлого с явлением хранительницы леса за все десять дней моего одиночного пребывания на стоянке не состоялось, и филин не объявился. И шумовая какофония на воде не повторилась. Младший из бомжей Игорь вскоре после памятной встречи в лесу умер смертью праведника: вечером заснул в своей постели, а утром не проснулся. Старший брат Сергей завершил свой земной путь иначе: нашли его мёртвым в канаве дальней деревни после обильного употребления палёной водки. Бедные ребята – братья-бомжи. Не нашлось для них авторитета. Никто не вправил им мозги, не разбудил душу, не растревожил сердца. Полуостров продолжает притягивать меня своей загадочностью и своей очищающей атмосферой. Пока еду в те края каждый год, однако после 2007 года останавливаюсь на пару недель у Ольги Филиповны и преодолеваю свой 15-километровый маршрут почти каждый день. Возвращаюсь в Москву просветленным телом, душой и духом.

Пожалуй, главным итогом моего отшельничества явилось окончательное формирование к 75-ти годам кредо из четырёх правил, отражающих основу

моего мировоззрения. Уместно заметить, что все четыре не заимствованы, а выстраданы, осмыслены, сформулированы и литературно оформлены лично мною. Итак...

1. Не гребь под себя – не поднимешься в небеса.
2. Сказал – сделал, не сделал – тоже сказал.
3. Дари себя людям и не жди за это награды.
4. Если человек с годами не обретает потребности стать лучше, то к старости он становится хуже – как правило – во всех отношениях.

Позор селёдке

Утром того, казалось бы, обыкновенного дня я шёл многократно исхоженной мною сельской грунтовой дорогой к озеру Волго. Протяжённость всего маршрута около семи километров, причём после поворота к лесу (с притаившимся в нём болотом) остаётся всего с полверсты пути, но две трети этого пути через болото, в центре которого две жёрдочки, являются главным препятствием для путника.

Итак, иду себе в радость быстрым уверенным шагом, солнце слегка припекает в затылок, половина маршрута пройдена, до ближней деревни меньше километра. Душа поёт, ибо впереди встреча с озером и приятелем – молодцеватым отважным парнем, не перешагнувшим сорока лет жизни. Встреча с ним всегда в радость, ибо доброту и стройность он унаследовал от русской матери, а юмор и смекалку в торговых делах от отца-еврея.

Со светлыми мыслями о предстоящей встрече (с неизбежным русским выпивоном под изобильную рыбную закуску) с воспоминаниями об обстоятельствах нашего знакомства во времена моего второго отшельничества в 2007 году... И вдруг ощутил парализующий взгляд в затылок... Стоп! При тормозил, мигом прочитал спасительную молитву и резко оглянулся в сторону заросшего мелким кустарником края дороги. Солнце принудило зажмуриться, и в тот же миг раздался оглушительный звериный рык в три раската. Медведь! Со времён работы на лесосплаве знаю: бежать нельзя, смотреть в его глаза нежелательно и лучше всего ответить криком изо всех сил. Не успел я закричать, как кустарник зашевелился в сторону от дороги. "Господи, слава Тебе, что явил силу Свою в моей немощи". Троекратно перекрестился и быстро загашал к деревне, где спустя восемь минут хозяйка из первой избы рассказала мне о медведице, которая с двумя медвежатами обжилась в окрестностях. Но когда она спешит на свидание к своему избраннику в брачный период, то оставляет медвежат в густых малиновых зарослях, так как медведь (в отличие от других зверей, а порою и от некоторых людей) не допускает любовных утех при свидетелях.

Распрощался с хозяйкой избы и поспешил на встречу с приятелем. Увидев меня в непривычном напряжённом состоянии и выяснив причину, приятель необычно быстро завёл мотор лодки, мы доплыли до стоянки его машины, и он поспешил отвезти меня до места моего постоянного жития в избе бывшего егеря, неоднократно извиняясь при этом за такое своё решение. По пути нашего следования он пояснил, что медведица непременно зайдёт ночью на стоянку. У медведей очень развит нюх: они до двух вёрст узнают по запаху людей. Поэтому он и отвозит меня (как виновника отказа медведицы от встречи с её избранником), так как через час он встречает на стоянке своих домашних. Я согласился с его доводами и старался (как мог) его успокоить, зная о том, что для меня он специально поставил шикарную гостевую палатку. Приятель настолько спешил поскорее отвезти меня, что даже не снабдил никакими съедобными припасами, не говоря уже о каком-либо алкоголе. Но, что ни делается – всё к лучшему! Оставшись один, я отварил картошку, разделал селёдку и сотворил салат из огородных даров. Картошка дымится на столе, салат притягивает своим видом и запахом, а селёдка просится на вилку с тем, чтобы вслед за водкой порадовать хозяина гармонией типичной русской закуски с типичным алкогольным питьём для снятия всякого рода напряжения. Вспомните (пишу по памяти) знаменитый вопрос киноактёра Басова в адрес непьющего молодого родственника: "Как же ты ешь селёдку, коли не пьёшь водку?". И только я захотел приступить к безалкогольной трапезе, как меня остановила необычная фраза. До сих пор её нигде не слышал: "Селёдка без водки – позор селёдке". И всё: напряжение ушло! Спасибо Господу за этот день!

Тайное оружие России

На протяжении веков Россия изумляла и продолжает изумлять весь мир своими просторами, своеобразием, неповторимым менталитетом, мировыми достижениями, непокоримостью внешним завоевателям... История России вершилась на благословенных русских полях в исторических битвах. Своё право оставаться независимым государством она доказывала и на поле Ледового побоища во времена князя Александра Невского, и на Куликовом поле под руководством князя Дмитрия Донского, и на поле в пределах Красной площади в Москве при изгнании захватчиков-поляков из нашей страны, и на Бородинском поле при мудром водительстве князя Михаила Кутузова, и на улицах одноимённого с Главкомом Сталиным города... А в наше время земля Сирии стала русским полем битвы с мировым злом. В этой битве, как на острие иглы, проявился национальный интеллект в создании непобедимого оружия, мощь и непобедимость русского воина, стремление русского человека к свету во мраке. Уместно напомнить, что русский человек тот, кто, по высказыванию Петра I, любит Россию и верно ей служит.

Встаёт неизбежный вопрос – в чём тайное оружие России? Почему её нельзя покорить ни нашествием, ни соблазном лучшей жизни, ни блокадой, ни санкциями, ни информационным штурмом? Почему она после 30-летнего либерального опустошения снова становится лидером и в научно-техническом прогрессе, и в политике, и в искусстве, и в военных свершениях? Можно с достаточной верностью ответить на поставленные вопросы с опорой на три главных понятия: сакральность русской земли, готовность к самопожертвованию русского воина и уникальность русской женщины. Если аллегорически представить нашу планету живым организмом, то европейская часть России является сердцем планеты. Сердечным откликом, прежде всего, реагирует наш человек на события земной жизни и тем более на события высшего небесного проявления. В наших былинах богатыри черпали свою непобедимость соприкосновением с матушкой-землёй. И в нынешние времена призывом звучат проникновенные строки (как мне помнится, поэта Леонида Бородина): “Земля родная, ради Бога / храни меня теперь и впредь. / Чтоб мне по глупости до срока / впустую не перегореть”. Вот почему в русских полях в исторических битвах с любым захватчиком наши воины неодолимы. Они неодолимы ещё и потому, что на генном уровне проникнуты соборным мироощущением, когда каждый в ответе за всех и все в ответе за каждого. Где ещё в мире можно найти изречения “на миру и смерть красна” или “положи живот за друга своего”. Они неодолимы ещё и потому, что, кроме воинов, “может собственных Платонов / и быстрых разумом Невтонов / российская земля рождать”. Рождать тех, кто своим развитым умом способен создавать победоносное оружие. Напомню, что ныне Россия является мощной ракетной державой (наши жидкостные ракетные двигатели закупаются в США: американцам не по силам создать современные мощные ЖРД) и неоспоримым мировым лидером в атомной энергетике на быстрых нейтронах.

Особую роль в державном становлении России играют её женщины. “Кона на скаку остановит, / в горящую избу войдёт” – эти огненные строчки Некрасова нам известны со школы. Русские женщины ВДОХНОВЛЯЮТ своих сыновей на бессмертные подвиги во имя непобедимости и независимости великой России, её права на владение бескрайними просторами, несметными богатствами земли и во имя её великой истории.